

Этнографическое обозрение

1895 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1895 3 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 189 с.

ISBN 978-5-517-93075-0

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1895 года

ISBN 978-5-517-93075-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва, 10 декабря 1895 г.
Президентъ Общества *Д. Анучинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культахъ славянъ. <i>Александра Фаминцына</i>	1
II. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. <i>Алексыя Харузина</i>	49
III. Эпосъ ли—древнѣйшій родъ поэзіи? <i>Д. Матова</i> . Перев. съ болгарскаго <i>Н. Грунскаго</i>	93
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. II. Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По Heinrich'у Сипов'у). <i>Н. Харузина</i>	103
V. Смѣсь:	
Мелкія фольклористическія замѣтки. 6. Звѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ. <i>Г. Потанина</i>	114
Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Табари. <i>М. О. Аттая</i> . Съ предисл. <i>А. Кирпичникова</i>	122
Послѣднее мнѣніе румынскаго ученаго (Ar. Densusianu) о происхожденіи названія «Влахъ». <i>А. И. Яцимирскаго</i>	135
VI. Критика и библіографія:	
1. Книги, ученныя и справочныя изданія.....	141—169
В. О. Миллеръ: Систематическое описаніе Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. <i>М. Сперанскаго</i>. (141).—А. О. Риттнхъ: Четыре лекціи по русской этнографіи. <i>Н. Х.</i> (142).—Землеустройство, 1894, № 4 и 1895 №№ 1, 2—3. <i>Н. Х.</i> (143).—Алтайскій Сборникъ. Вып. I (1894). <i>Вл. Б.</i> (145). — Матеріалы по археологіи Кавказа, собранныя экспедиціями Императ. Моск. Археологическаго Общества. Вып. IV: Христіанскіе	

ДРЕВНЕ - АРИЙСКІЕ И ДРЕВНЕ - СЕМИТСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ И КУЛЬТАХЪ СЛАВЯНЪ.

Содержаніе. Обрядные огни.—Живая вода.—Наузы. Красная нить.—Кровь, мясо и кожа жертвеннаго животнаго.—Поминальные обряды.—Переряживанія.—Первый снопъ.—Послѣдніе плоды.—Низверженіе жертвы съ высоты.—Коровій навозъ, какъ очистительное средство.—Черты культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ: храмы (общій планъ, украшенія, храмовыя богатства, храмовая утварь, пурпуровыя завѣсы и одежды); идолы; верховный жрецъ; загадочныя параллели.

Міросозерцаніе народовъ славянскаго племени до настоящаго времени во многихъ отношеніяхъ сохранило языческій характеръ. Христіанство заглушило въ народѣ немало языческихъ представленій, замѣнило языческія имена древнихъ боговъ именами христіанскаго Бога и святыхъ; но, не взирая на тысячелѣтнее свое господство, оно не въ силахъ было сломить глубоко коренившіяся въ народѣ языческія преданія и вѣрованія, вытѣснить древніе языческіе обряды и обычаи, продолжающіе и нынѣ жить въ народѣ, связываясь съ праздниками и обрядами христіанской церкви. Главнѣйшіе христіанскіе праздники, по большей части, лишь замѣстили собою праздники языческіе: древнія названія ихъ замѣнились новыми, но характеръ ихъ въ народномъ обиходѣ почти не измѣнился; мало того, многіе праздники сохранили въ народѣ и языческія названія, продолжающія существовать рядомъ съ новыми, христіанскими, и даже имѣющія въ народѣ преобладающее значеніе. Такъ, напр., зимній праздникъ Рождества Христова носитъ на языкѣ разныхъ славянскихъ народовъ названія: „Божичъ“, „Божикъ“, „Коляда“; канунъ Рождества наиболѣе извѣстенъ подъ именами: „Бадній день“, „Бадній вечеръ“, „Щедрый (или Богатый) вечеръ“, „Корочунъ“. Другой главнѣйшій народный праздникъ, лѣтній, день св. Іоанна Крестителя, носитъ названіе „Купало“.

мѣстами „Ярило“. Великій весенній праздникъ Воскресенія Господня во многихъ мѣстахъ называется на народномъ языкѣ „Великимъ днемъ“; вторникъ на Святой Недѣлѣ именуется „Купальницей“, понедѣльникъ Оминой недѣли—„Радунницей“, Юрьевъ день, а мѣстами Омиинъ понедѣльникъ—„Красной горкой“, канунъ Юрьева дня—„Ляльникомъ“, недѣля Св. Отецъ извѣстна подъ названіемъ „Русальной“, „Клечальной“, „Зеленой недѣли“, четвергъ на этой недѣлѣ—называется „Русалкинымъ великимъ днемъ“, праздникъ, Пятидесятницы — „Русаль“, „Rusadlj“, „Tugice“ и т. п. Кромѣ того, народъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ своихъ особенно излюбленныхъ святыхъ, замѣстившихъ прежнихъ любимыхъ боговъ, и особенно почитаетъ ихъ память, вовсе не сообразуясь съ официально установленными, такъ называемыми табельными, праздниками. Къ наиболѣе популярнымъ и почитаемымъ святымъ православныхъ славянъ принадлежатъ: свв. Георгій, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Креститель (или ап. Петръ) и прор. Ілья; особеннымъ уваженіемъ пользуются также почитаемые парами святые: Борисъ и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Козьма и Дамьянъ. Сюда же принадлежитъ и св. Пятница (Параскева), въ честь которой 12 разъ въ году празднуются такъ называемыя „временныя“ или „именныя пятницы“, предшествующія разнымъ большимъ годовымъ праздникамъ или слѣдующія за ними, кромѣ того, 9 „торговыхъ пятницъ“ въ теченіе 9 недѣль, начиная съ Пасхи; наконецъ, уваженіе къ св. Пятницѣ распространено такъ сильно, что даже всѣ 52 пятницы въ году считаются во многихъ мѣстахъ праздниками почти столь же важными, какъ воскресенье, и въ эти дни считается грѣхомъ работать, въ особенности прясть и пахать землю: „пятница не работница“, говорятъ великоруссы. По древнему языческому обычаю, субботы считаются по преимуществу днями поминовенія, посвящаются воспоминанію объ усопшихъ родичахъ и чествованію ихъ: по народному опредѣленію, „въ пятницу добрые люди не пряли, въ субботу родителей поминали“. Православная церковь, очевидно, сообразуясь съ древними народными преданіями, опредѣлила помянуть усопшихъ, между прочимъ, въ субботы передъ праздниками Рождества Христова, Сочествія Св. Духа, Успенія Пресв. Богородицы; народъ же преимущественно справляетъ поминки, кромѣ кануна масленицы и дня Радунницы, въ субботы Троицкую, Покровскую и Дмитровскую.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не обратить вниманія на то, что народъ почитаетъ святыхъ христіанской церкви предпочтительно въ качествѣ представителей того или другого явленія, дѣйствія, занятія въ области преимущественно земледѣльской жизни; оттого онъ придаетъ имъ эпитеты, соотвѣтствующіе времени года, занятіямъ, обычаямъ и обрядамъ, связаннымъ съ даннымъ временемъ, нисколько не заботясь о согласованіи этихъ эпитетовъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ святыхъ и житіемъ ихъ, которое, конечно, въ большинствѣ случаевъ остается ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ Великой Руси почитаются, напр.: свв. Петръ Полукормъ (16 янв.), Аѳанасій Ломонось (18 янв.: „на Аѳанасья береги носъ“ отъ мороза), Тимоѳей Полузимникъ (22 янв.), Аксинія Полузимница (24 янв.), Василій Капельникъ (28 февр.—начало оттепелей), Евдокія Весновка (1 марта — начало весны), Кононъ Градаръ (5 марта—начинаютъ копать огороды) и т. д. черезъ весь годъ. Очевидно, что христіанскіе святые, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ древніе языческіе боги, не только замѣстили послѣднихъ въ народномъ сознаніи, но и сами послужили къ увеличенію ряда обоготворяемыхъ представителей явленій природы, къ чрезвычайной спеціализаціи этихъ олицетвореній: говоря напр. о свв. Евдокинѣ, Николаѣ, Пантелеимонѣ, народъ имѣетъ въ виду именно *Евдокію Весновку*, *Николу Травника* или *Мокраю*, *Пантелеимона Паликона*, т. е. представителей весны, весенней зелени и влаги, лѣтняго палящаго зноя и грозъ, сожигающихъ конны. Соотвѣственно тому и главнѣйшіе христіанскіе праздники — Рождество, Пасха, Юрьевъ день, Ивановъ (или Петровъ) день, Троицынъ и Духовъ дни и др. въ средѣ всѣхъ славянъ, въ особенности же южныхъ и восточныхъ, сравнительно менѣе подвергавшихся вліянію цивилизаціи, и въ наше время еще сопровождаются обрядами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ христіанствомъ; напротивъ, всматриваясь въ эти странные и непонятные для городского „цивилизованнаго“ жителя обряды, съ непоколебимою стойкостью продолжающіе по сію пору бытовать въ простомъ деревенскомъ народѣ, мы невольно переносимся въ глубь языческой старины, передъ нами возстаетъ живая, интересная картина древняго языческаго быта славянъ.

Не только христіанскіе праздники, но даже и таинства христіанской церкви — крещеніе и въ особенности бракъ — обставлены

въ народѣ такими обычаями и обрядами, которые вполне гармонируютъ съ упомянутыми выше праздничными обрядами, къ христіанскому же таинству никакого отношенія не имѣютъ. Христіанскій обрядъ того или другого таинства является только внѣшнимъ образомъ пристегнутымъ къ обрядамъ языческимъ. Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Руси до сихъ поръ бракъ считается дѣйствительно совершеннымъ только послѣ брачнаго пиршества—„весілля“—главнаго акта языческой свадьбы; церковное же торжество, не сопровождающееся „весіллямъ“, которое нерѣдко бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ силу лишь послѣ свадебнаго торжества. Общество не допуститъ, чтобы новобрачная до „весілля“ перешла въ домъ новобрачнаго, не допуститъ до фактическаго супружества. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ повѣнчанныхъ церковью новобрачныхъ до отправленія брачнаго пира, умершій хоронится, какъ холостой. Съ другой стороны, мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ, безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлой Руси церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они, со дня сговора или „заручинъ“, называются уже молодыми, т.-е. новобрачными.

Не менѣе древними языческими обрядами обставлены похороны и въ особенности поминки по усопшимъ, сопровождаемые жертвоприношеніями и возліяніями на могилахъ, которыя совершаются въ точно опредѣленные дни и промежутки времени, жертвенными трапезами и голошеніемъ причитаній, опять обнаруживающихъ совершенно языческій взглядъ народа на смерть и загробное состояніе усопшихъ, при чемъ христіанскіе погребальныя и поминальные обряды опять являются только внѣшнимъ образомъ связанными съ обрядами языческими. Покойные родители и родственники представляются обыкновенно спящими непробуднымъ сномъ или горюющими, проливающими „горючія слезы“ во тѣмъ могилѣ, въ узкихъ „домкахъ“; руки покойнаго крѣпко придавлены къ ретивому сердцу; „ясныя очи“ и „сахарныя уста“ его замкнуты; „бѣлое лицо“ его покрыто „ржавчиной“. Поминающіе сообщаютъ покойнымъ родителямъ, въ причитаніяхъ, о своемъ великомъ горѣ,

вѣсть о которомъ служить утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,
Распахнитесь, да бѣлы саваны!
Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
Отъ ретива, да отъ сердечушка,
Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,
Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...
Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину...
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенекъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе наши батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горючей слезой! Али вамъ, родненькимъ, востосковалось по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстускамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семь бѣломъ свѣтѣ... Ужъ вы, наши родненькіе, взгляните-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чисто-языческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣсняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамиліное родство. Понятно, что корень общихъ славянскимъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религиозныхъ понятій и обрядовъ и какъ скептически и враждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если оно способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религиозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ онъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года, или съ извѣстнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодействія, то такая общность даннаго обряда говоритъ въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія вѣдѣнныхъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и расселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блещущее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловить каждый лучъ солнца, согревающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое міѳологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

на солнце перенесены многія черты и свойства, въ древнія времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнился холодною сыростью, лютыми вьюгами и морозами. На югѣ человѣкъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явленія окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ, какъ святиню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человѣка вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покореніемъ даннымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе имъ новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ большія видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсней, обрядныхъ изреченій и пр. Последнія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайною живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсней. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія,